

Цай Миншань, оказавшись в объятиях, быстро понял намерения Сян Чэнсиня. Хотя он только что был ошеломлён поцелуем мужчины, это не означало, что он ему нравился. Его просто покорили мастерские действия Сян Чэнсиня, но это не означало, что он хотел заниматься с ним сексом! Поэтому он в ужасе закричал!

— Нет...? — словно переспрашивая, сказал Сян Чэнсинь. — Разве это не твоя цель, Миншань? Иначе как можно потерять память всего за одну ночь? Я никогда не слышал, чтобы секс мог повредить голову.

С этими словами Сян Чэнсинь бросил Цай Миншаня на кровать и навалился на него...

После того как Сян Чэнсинь «доел» Цай Миншаня, он внезапно понял, что потеря памяти действительно может быть возбуждающей. Однако он не знал, как долго это новое ощущение продлится. Ведь когда он впервые играл с этим телом, ему тоже было интересно, но через месяц это наскучило.

Если бы не различные костюмы и уловки, которые использовались для поддержания интереса, он бы давно потерял терпение. Вероятно, оригинальный владелец тела заметил его усталость, поэтому в последний раз предложил использовать БДСМ-принадлежности. Однако Сян Чэнсинь никогда не был таким человеком, поэтому сразу отказался. Он даже не закончил и ушёл, а позже услышал, что тот потерял память.

Он никогда не верил в потерю памяти. Ведь, как он говорил, кто теряет память из-за секса? Тем более, он даже не довёл дело до конца. Но сегодняшняя ночь действительно возбудила его. Ведь искреннее сопротивление в глазах, даже отвращение, сочетающееся с физической синхронностью, заставило его мужское достоинство ожить.

Проще говоря, Сян Дашао слишком привык к добровольным играм. Все, кто приходил к нему, делали это по своей воле, и такой новый опыт действительно вызвал у него небольшой интерес. Если бы Цай Миншань знал правду, он бы, как в их «порно», сам начал действовать. К сожалению, он не знал, поэтому за ночь он пережил двойной удар и вскоре потерял сознание.

На следующее утро Сян Чэнсинь с отличным настроением съел «утренний десерт» и ушёл, забрав с собой Сяо Шао. Однако охранники и камеры внутри и снаружи дома остались на месте. Он просто дал указания Цай Чжююаню и ушёл.

Как только Сян Чэнсинь вышел из комнаты, Цай Миншань бросился в ванную! Хотя его тело, казалось, было знакомо с такими вещами, психологически он всё ещё не мог принять, что с ним, мужчиной, так обращались! Он долго мылся, пока всё его тело не покраснело от трения, и только потом вышел из ванной. Именно тогда он вдруг понял, что сегодня Сяо Шао не пришёл, чтобы дать ему «работу». Может, это связано с «работой» прошлой ночью?

Однако, что бы это ни было, он не мог это изменить, ему оставалось только принимать. Поэтому, разобравшись, он пошёл в гостиную позавтракать. Хотя он не особенно уважал отца оригинального владельца тела, тот действительно хорошо готовил. Впрочем, это неудивительно, ведь иначе его бы не наняли поваром.

Цай Чжююань, услышав утренние указания Сян Дашао, почувствовал, что всё это кажется нереальным. Но, увидев, как Сяо Шао уходит вместе с Сян Дашао, он начал надеяться. Хотя он знал, что камеры всё ещё работают, но раз за сыном больше не следят постоянно, может, у него есть шанс развеять их недоразумения?

Поэтому, когда Сян Дашао ушёл, он, готовя еду на кухне, начал проверять, не пришёл ли сын в

гостиную за завтраком. Наконец, ближе к десяти утра, он увидел Цай Миншаня, одетого в простой спортивный костюм. Он тут же поздоровался:

— Миншань, ты встал? Ты, наверное, голоден, я сейчас принесу завтрак, он всё время грелся.

Цай Миншань, словно не слыша, сел за стол, ожидая еды. Ведь сейчас этот человек для него был всего лишь поваром. Если он когда-нибудь обретёт свободу, он предпочтёт работать в тяжёлых условиях, чем оставаться с ним. В конце концов, как гласит пословица: «На кого угодно можно положиться, но лучше всего — на себя». Его предыдущие родители показали ему, что не все родители великодушны. Проснувшись, он думал, что нашёл хороших, но оказалось, что это всего лишь прекрасная мечта.

— Миншань, вот завтрак. Ешь, пока горячий, — услужливо сказал Цай Чжююань.

Цай Миншань ничего не ответил, просто начал есть. Ведь он уже не чувствовал прежнего гнева, это был просто человек, которого он видел несколько дней. Зачем так переживать? Ведь если бы он был хорошим отцом, разве он позволил бы своему сыну быть содержанцем мужчины? Более того, оставаться и наблюдать за этим? Как бы он ни старался, он не мог понять, что двигало этим человеком.

Цай Чжююань, видя, что Цай Миншань его полностью игнорирует, не расстроился. Ведь их отношения с сыном сейчас были далеко не самыми плохими. В худшие времена они даже не могли смотреть друг на друга, и злобные слова были недостаточны, чтобы описать их отношения. Но, думая обо всём, что этот ребёнок пережил, а также о его поведении после потери памяти, он всё же решился подойти к нему, когда тот почти закончил завтрак.

— Миншань, в прошлом я был неправ. Но ты же знаешь, все родители желают добра своим детям, я тоже хотел тебе только лучшего.

Цай Миншань, услышав слова Цай Чжююаня, даже не поднял глаз, продолжая смотреть на еду на столе. Но, услышав последнюю фразу, он мгновенно потерял аппетит. Разве он мало видел «великодушия» родителей? Иначе у него не было бы «возможности» сменить тело. Поэтому он не собирался продолжать слушать, такие высокопарные речи никогда не были для него.

С такими мыслями Цай Миншань проглотил то, что было у него во рту, выпил стакан воды и встал, направляясь в спальню.

Цай Чжююань, однако, не сдавался и пошёл за ним. Ведь Сян Дашао забрал Сяо Шао, но не оставил никого другого следить за ними. Возможно, их положение теперь похоже на прежнее, за исключением того, что они, вероятно, не могут выходить на улицу. Ведь охранники снаружи всё ещё стоят на своих постах.

— Миншань, Миншань, ты только что позавтракал, может, пойдёшь прогуляться? — поспешно сказал Цай Чжююань, видя, что сын направляется в спальню. Ведь раньше сын не позволял ему заходить в спальню. Конечно, вспоминая, что он видел, когда убирал там, он мог догадаться, почему. Если не было необходимости, он сам бы туда не пошёл.

Цай Миншань никогда не считал, что нужно слушать родителей, но иногда он был особенно мягкосердечным. Видя, как Цай Чжююань опускается до такого уровня, почти умоляя, он, подумав о своём нынешнем теле и положении, глубоко вздохнул и спросил:

— Почему сегодня нет Сяо Шао? И... почему всё лишнее убрали?

Цай Чжююань, услышав вопрос, тут же оживился и начал объяснять:

— Миншань, Сян Дашао сказал, что Сяо Шао больше не придёт. Мы здесь будем жить, как раньше, но не сможем выходить на улицу. Кстати, Миншань, ты потерял память, наверное, не помнишь, что было раньше, я тебе всё расскажу?

Цай Миншань, услышав, что Сяо Шао больше не придёт, сразу обрадовался и хотел уйти. Ведь, хотя тело оригинального владельца, казалось, привыкло к прошлой ночи, он сам не мог смириться. Но, услышав, что они не могут выходить, он расстроился. Цай Миншань, в раздражении, пристально посмотрел на Цай Чжююаня. Что вообще думает этот человек? Он так осторожно обращается с сыном, но при этом совершенно не против того, что его сына содержат мужчины?

(Здесь пропущено 3000 слов сцены интимного характера... пожалуйста, додумайте сами)

<http://bllate.org/book/16454/1492731>